

75

30

Нередко бывает – накануне знаменательных дат в редакцию начинают поступать интересные материалы, которые специально не закажешь. Они плывут в общем потоке необязательных текстов само собою, успевай вылавливать и запускать в печать. Так случилось и с рукописью автобиографической повести-эссе Ибрагима Биектаулы «Мой путь». В редакции мы с интересом прочитали её и к юбилею Великой Победы выбрали для публикации первую главу «Синие туманы», где рассказывается о нелёгком детстве деревенского мальчика в годы Великой Отечественной войны. Хорошо бы почитать эту публикацию нашим мальчишкам и девчонкам и сравнить свою жизнь с той, суровой и нещадной, которая выпала на долю маленького героя «Синих туманов»

Ибрагим Биектаулы

Ибрагим Биектаулы (Ибрагим Нафиков) родился (1937) в д. Биектау Рыбно-Слободского района ТАССР. Окончил Казанский авиационный институт. После института был направлен на ижевский завод «Радиоприбор». Один из организаторов Татарского общественного центра, татарской газеты «Яңарыш» («Возрождение») и теле- радиопередач на татарском языке в Удмуртии. Поэт, публицист, общественный деятель, член Союзов писателей Татарстана и Удмуртии. Автор десятка поэтических сборников на татарском и русском языках. Его стихи легли на музыку многих популярных в народе песен

Синие туманы

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Начало начал

ДА! Ощупью, своими крошечными устами начал я освоение этого бесконечного мира – не любопытства ради, а от великого приступа голода. Повезло мне, я нащупал сладкий сосок тёплой груди моей мамы и крепко присосался к нему. Вволю наглотавшись божественного нектара, я уснул богатырским сном. Так повторялось потом много-много раз.

Вскоре я начал видеть лицо моей мамы, замечать её улыбку, слышать её голос и её песни. День за днём мой мир расширялся. Я уже узнавал папу, бабушку, дедушку, многих-многих людей, животных... Я ползал, вставал, падал, начал делать свои первые шаги. Ощупывал вещи и ручками, и ножками, и язычком. Я радовался лучам солнца, ночным светилам, огню свечи. Ощущал запахи и краски, слышал шорохи и звуки непознанного мира.

Всё это – правда! Но всё это, конечно, не было тогда записано моей памятью, ещё не развитой при рождении. Это лишь логическое представление зрелым человеком смутного начала жизни.

Человеку много отпущено, но с него много и спросится!

Итак, послав поклон Всевышнему, оглянемся на пройденный жизненный путь и начнём, конечно, с подёрнутого синими туманами детства.

Детство

Проснуться утром, увидеть самое прекрасное в мире лицо матери, её улыбку, услышать её неземное пение, ощутить её тёплые и мягкие руки, которые как пушинку отрывают тебя от постели, прижимают к своей тёплой груди и нежно гладят – вот те мгновения, которые никогда не сотрутся в памяти!

Деревенские дети быстрее и легче входят в этот безбрежный мир, глубже

понимают братьев наших – и старших, и меньших.

Я помню себя, трёхлетнего мальчишку, свидетеля глобальных событий, пережитых своим маленьким, вступающим в большую жизнь существом. Мой отец, работавший тогда колхозным конюхом, посадил меня на круп высокого старого мерина серой масти, который, вопреки всему, прожил три десятка лет. Я, конечно, испугался, но и пискнуть не посмел, обеими ручками вцепился в холку лошади. Отец взял мерина под узду, и мы тронулись в путь по бескрайней поляне, украшенной цветами. От лошади почтенного возраста не стоило ожидать ничего плохого. Нельзя отрицать, что и от молодого отца в эти мгновения не исходило ничего рискованного для жизни дитяти.

Таким образом, отец выполнял многовековую традицию, заложенную его дедами и прадедами в отношении юной поросли. Ведь, не бросив в воду, не научить человека плавать. Вскоре страх мой улетучился и сменился восторгом – с крупа лошади и мир стал видаться гораздо шире.

Второе событие, которое потрясло моё беспечное детство, была весть о войне. В тот день, 22 июня 1941 года, на центральной площади нашей большой деревни Биектау с утра до вечера шумел митинг. На наспех сооружённый постамент на середине площади выходили друг за другом взрослые дяди и о чём-то громко говорили. Женщины плакали навзрыд. Они понимали, что предстоит расставание с мужьями и сыновьями.

Минуя короткую июньскую ночь, обоз из колхозных лошадей со скрипучими телегами, нагруженными юными, ещё безусыми молодцами, потянулся к районному военкомату, расположенному в селе Кутлу-Букаш (в центре Кзыл-Юлдузского района) в четырёх километрах от нас. Обоз тронулся с щемящей

сердце песней, под аккомпанемент милой для деревенской души тальянки:

**Или вернёмся, или нет...
Родимые, прощайте! Всем привет!**

Плач женщин разрывал сердца и уходивших на войну, и провожавших, и в особенности мою детскую душу. Рядом со мной утирали слёзы друзья, которые вмиг осиротели. В тот день я был ещё далёк от той напасти. Моего отца оставили пока, отправят на войну чуть позже.

В конце дня малолетний человек, простоявший целый день под палящими лучами летнего солнца в толкотне взрослых людей, устроился верхом на спине отца, обхватил его шею и почувствовал великое блаженство. Конец мучениям – направляемся домой! Подальше от этой горькой площади!

Пламя войны обожгло большинство семей нашей деревни. От его горячего дыхания до сих пор свёртывается душа. Большая беда неумолимо ворвалась и в наш дом под соломенной крышей. Этот день, как один из самых чёрных, сохранился в моей памяти на всю жизнь. Летом ушёл на войну и мой отец. Мы с матерью долго шли рядом с ним и простились на четверти дороги, ведущей к районному центру. Дальше отец попрощался и попылил один. Мы с мамой стояли и смотрели вслед, пока он не скрылся вдали. На обратном пути мама шла медленно, собирала на обочине ветки полыни для связки домашнего веника. Мне четыре годика, разменялся пятый. Но я уже осознавал, что и на меня возлагается ответственность за благополучие нашей семьи, ведь дома есть ещё братик Исмаил, который только-только начал ползать...

К осени 1941 года война всосала в себя всё мужское население нашей деревни. И лошади, и единственная колхозная машина-полуторка тоже канули в её чрево. Лицом к лицу со всеми бедами и лишениями остались в деревне лишь дети, матери, бабушки и дряхлые старики. В селе воцарилась атмосфера унылого сиротства. Это был момент, как

сказал поэт, «стариками рассерёзничались дети, и, как дети, плакали седобородые».

С каждым днём становилось всё хуже и хуже. С фронта приходили вести о гибели или пропаже односельчан «без вести». Одно было утешение – война была от нас далека, и мы не слышали её грохота. Кроме того, в деревне не было радио, и известия – что добрые, что печальные – доходили до нас с большим опозданием. Каждая семья жила по-своему, кто-то, по меркам военного времени, более-менее сносно, а кто-то очень плохо. Были случаи смерти от голодного истощения. Многое зависело от количества детей (их возраста) и стариков, от наличия кормилиц (трудоспособной хозяйки, дойной коровы, домашнего скота), житейски зрелого руководителя района, колхоза, бригады и от многих других обстоятельств того безумного времени.

Колхозники и сеяли, и жали, и пасли... Труд был бесплатный. На заработанные трудодни хлеба не получали. Всё уходило на нужды фронта. Основным продуктом питания из овощей считался картофель (второй хлеб), выращенный на своих 25-ти сотках. Но многим семьям и его на весь год не хватало, поскольку немалая его часть потреблялась домашней скотиной. Без хлебной поддержки картофель таял на глазах.

Весной при сходе снега вся детвора выходила на поле в поисках гнилой картошки. Она состояла из крахмальной жидкости, пригодной для выпечки лепёшек и стала спасательным средством для вечно голодных желудков несчастной детворы.

**Чёрны наши губы, руки,
но картошка хороша!
Все заботы позабыты –
голод прочь, поёт душа!**

Зимой в годы войны стояли жуткие морозы, которые были выгодны тем, что сильно морозили солдат вермахта, но плохи, что быстро истощали крестьянские закрома, рассчитанные до весны. А вот лето облегчало наше положение.

На еду годилась всякая трава (особенно лебеда и крапива), которой питалась вся сельская живность, а также грибы, ягоды, орехи...

Общая беда спланивала людей. Главенствовало чувство локтя – ради выживания, ради победы, без которой никогда бы не высохло море слёз и горя. Конечно, нами, детьми дошкольного возраста, всё это воспринималось не так глубоко, как взрослыми. Мы оставались детьми, старались, как могли, скрашивать нашу жизнь разными играми, которые были позволительны при наших скудных возможностях. Но с нас не снималась обязанность постоянно помогать нашим кормильцам овладевать навыками разнообразных крестьянских работ. Мы обожали лошадей, по ночам пасли их на лугу, обращаясь с ними по-взрослому. Вспомните, каков был Некрасовский мужичок с ноготок! Но лошадей, после отбора на нужды фронта, оставалось на весь колхоз всего шесть-семь голов. В лошадиный труд приходилось впрягать не только оставшихся пятерых колхозных быков, но и наших частных бурёнок. Управляли ими наши матери, которых часто заменяли мы, маленькие труженики тыла.

Корова – дама вальяжная. Вот, шагаешь ты, важный малец, по свежеевспаханной земле рядом со своей подругой, держа в руке её поводок, думаешь о жизни и... бац! Она наступает на твою босую ногу. Ты пищишь! Она убирает копыто. Но реакция у коровы, мягко говоря, не конская. Она понимает, что виновата, смотрит на тебя своими умными выразительными глазами и ждёт, что ты скажешь. Можешь, конечно, ударить. Она простит тебе это, слезу пустит. Но как же поднимется рука на свою кормилицу, на свою вторую мать! Тем более, нога твоя цела, она лишь впечаталась в пух земли. Да, таких слёзных моментов было много у наших бедных деревенских мальчишек военных лет.

Кроме пахотных работ, наши бедные коровы, как я уже говорил, впрягаясь и в оглобли, таскали возы сена или дров, как для колхоза, так и для хозяйки.

Наша корова Юлдуз (Звёздочка) прожила семнадцать лет. Мама говорила, что она у них – с момента розжига их семейного очага. Корова была бурой масти (с белой звездой на лбу), стройная и красивая, имела спокойный нрав, глубокий выразительный взгляд, хорошо развитые рога и обладала большой физической силой. Она была нежна и женственна. От неё постоянно пахло парным молоком. Видимо, благодаря своим житейски ценным качествам Юлдуз заслужила большое уважение своих сородичей – была одним из лидеров деревенского стада. Она имела отменное здоровье, хороший аппетит, щедро давала обильное и жирное молоко и была в состоянии прокормить не только себя, но и нас, присосавшихся к ней бедных её хозяев. Безусловно, она была великой коровой!

А война шла и шла! Казалось, не будет ей конца. Люди в тылу умирали от лишений, гибли от голода дети. А те ребяташки, которым удавалось выжить, выросли...

Учительница первая моя

Три года войны прошли, как в замедленном кино. Наступило 1 сентября 1944 года, и я пошёл в 1-й класс Биектауской семилетней школы Кзыл-Юлдузского района ТАССР (ныне Рыбно-Слободского района Республики Татарстан). Моей первой учительницей стала Марфуга-апа Самигуллина, которая в своё время учила и моего отца. Она была чрезвычайно учёной женщиной, происходила из древнего рода татарских мурз, до Октябрьской революции 1917 года преподавала основы Ислама в разных медресе. Кроме того, она имела редкий мощный вокальный голос алыт и прекрасно исполняла народные песни. В общем, Марфуга-апа радовала своих учеников и голосом, и своими уроками.

Её судьба оказалась нелёгкой: семья многократно подвергалась репрессиям,

муж и два сына погибли в Великой Отечественной войне.

О её несчастьях я узнал гораздо позже, лишь после её смерти. К сожалению, со мною она занималась только последний свой учительский год перед пенсией. А ведь она, профессионал высшего класса, могла бы ещё работать и работать! Да, так было принято тогда, по достижениям 60 лет работники обязаны были уходить. Таких учителей, как Марфуга-апа, бывает крайне мало! Став взрослым, я навещал её до самой смерти. Она была всегда рада моему приходу. Но, тем не менее, про репрессии своей семьи не проронила ни слова. Возможно, благодаря умению молчать прожила она долгую жизнь!

* * *

Весной 1945 года я заболел болотной малярией (частой болезнью детей войны) и лежмя лежал в течение двух месяцев в борьбе с мучительными ежедневными приступами судороги и озноба. Вот я влезаю под стёганое одеяло, мать сверху добавляет пару отцовых шуб, но это не спасает, меня колотит, я теряю силы, сознание, проваливаюсь то ли в небытие, то ли в сон.

Шайтан правит бал! Во сне ожидают меня все круги ада. Неземные шумы, страшные видения... Не выдерживая кошмара, приоткрываю занавес глаз – ад усмирится, закрываю – чертовщина продолжается.

9 мая 1945 года ко мне, больному, пришли два моих товарища Ильдус и Наиль (мы в классе сидели втроём за одной партией). Наверняка, послала их ко мне наша любимая учительница Марфуга-апа, чтобы они взяли меня с собой на торжественную демонстрацию по случаю нашей долгожданной победы над фашистской Германией.

– Эй, лежебока, вставай! – закричали они с порога, – пойдём праздновать победу! Мы победили! Мы победили!

Я собрал остатки своих сил и при поддержке друзей направился в школу. Мне предстояло преодолеть расстояние более одного километра. Подташнивало, кружилась голова, но я крепился. Я жаждал поправиться и вместе со всеми порадоваться победе и будущей мирной жизни! Наша школьная колонна с красными транспарантами и с криками «ура!» прошла по главным улицам деревни приличное расстояние. Я выдержал этот экзамен на пути к праздничной площади и выздоровлению. На другой день я уже вернулся в класс.

Для меня 9 мая 1945 года стал днём двойной победы: наши отцы повергли фашистского монстра, а я победил болотную лихорадку.

Возвращение фронтовиков

Наконец закончилась война. Возвращались наши отцы и братья. Но не все вернулись. А среди тех, кто остался в живых, было много покалеченных. Даже оказавшись дома после ада войны, многие недолго затем прожили. Деревня из 400 дворов не дождалась около 200 своих сыновей, большинству из которых не было и тридцати лет. Таков был кровавый отголосок войны для нашей отдельно взятой татарской деревни, расположенной в центре России!

В середине мая 1945 года наша школа в полном составе торжественно встречала своего бывшего ученика, артиллериста Заки Шаймарданова, подбившего множество немецких танков и другой бронетехники, за что он был удостоен ещё в 1944 году (в возрасте двадцати одного года) высокого звания Героя Советского Союза. Ликовало всё население деревни, района, республики...

А мой отец вернулся весной 1946 года – без особой помпы, торжеств, рядовым солдатом. Но радости от этого в нашем скромном доме было не меньше.